

Взаимоотношения государства и бизнеса в условиях «государства развития»

Кугай А. И.* , Пахомова М. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

*e-mail: kugay3@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Цель. Выявить действующий в «государствах развития» Восточной и Юго-Восточной Азии механизм государственного регулирования частнопредпринимательской инициативы, обеспечивающий стабильно высокие темпы экономического роста и подъем общественного благосостояния.

Задачи. На основе сравнительного анализа определить характерные особенности модели взаимоотношений между государством и бизнесом в «государствах развития», раскрыть ее сильные и слабые стороны, роль правящей элиты в ее функционировании.

Методология. Центральным выступает концепт «государства развития», элементы которого раскрываются Зия Онишем, понятия: «планово-рациональное государство» (Ч. Джонсон), «встроенная автономия» (П. Эванс), «неопатримониальное государство», «сплоченное капиталистическое государство» и «фрагментированное многоклассовое государство» (А. Коли). Модель взаимоотношения между государством и бизнесом опирается на работы, связанные с Индонезией, Малайзией и Таиландом.

Результаты. Установлено, что в «государствах развития» отношения государства и бизнеса встроены в политическую структуру общества, в которой централизованное управление позволяет государствам обеспечивать политическую стабильность, снижать транзакционные издержки для частных субъектов, мотивировать предпринимательство и создавать дополнительные возможности для развития экономики и, как следствие, повышения благосостояния общества.

Выводы. Пример стран Восточной и Юго-Восточной Азии свидетельствует о том, что успех «государства развития» возможен только тогда, когда политическое урегулирование дает возможность правящим элитам обладать правоприменительными возможностями проведения эффективной, национально-ориентированной промышленной политики, необходимой для дальнейшего совершенствования технологических возможностей страны. Быстрое экономическое развитие «государств развития», заставившее говорить о «чуде», ставит вопрос о возможности использования этого опыта в других регионах мира, включая страны ЕАЭС.

Ключевые слова: государство развития, экономический рост, бизнес, государственная политика, Восточная Азия

Для цитирования: Кугай А. И., Пахомова М. А. Взаимоотношения государства и бизнеса в условиях «государства развития» // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 3. С. 144–153.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-03-144-153>. EDN: XFZDXG

Relations between the State and Business in the Conditions of the “Developmental State”

Alexander I. Kugai*, Maria A. Pakhomova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management), Saint Petersburg, Russian Federation

*e-mail: kugay3@yandex.ru

ABSTRACT

Aim. To identify the mechanism of state regulation of private enterprise initiative operating in the “developmental states” of East and Southeast Asia, which ensures consistently high rates of economic growth and an increase in public welfare.

Tasks. Based on a comparative analysis, to determine the characteristic features of the model of relations between the state and business in the “developmental states”, to reveal its strengths and weaknesses, the role of the ruling elite in its functioning.

Methods. The central concept is the “developmental state”, the elements of which are revealed by Zia Onish, the concepts of “planned-rational state” (C. Johnson), “built-in autonomy” (P. Evans), “neopatrimonial state”, “cohesive capitalist state” and “fragmented multi-class state” (A. Koli). The model of the relationship between the state and business is based on works related to Indonesia, Malaysia and Thailand.

Results. It has been established that in “developmental states” the relations between the state and business are built into the political structure of society, in which centralized governance allows states to ensure political stability, reduce transaction costs for private entities, motivate entrepreneurship and create additional opportunities for economic development, and as a result - increasing the welfare of society.

Conclusions. The example of the countries of East and Southeast Asia shows that the success of a “developmental state” is possible only when the political settlement enables the ruling elites to have the law enforcement capabilities to conduct an effective, nationally-oriented industrial policy necessary for the further improvement of the country’s technological capabilities. The rapid economic development of “developmental states”, which has led to talk of a “miracle”, raises the question of the possibility of using this experience in other regions of the world, including the EAEU countries.

Keywords: developmental state, economic growth, business, public policy, East Asia

For citation: Kugai A. I., Pakhomova M. A. Relations between the State and Business in the Conditions of the “Developmental State” // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 3. P. 144–153. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-03-144-153>. EDN: XFZDXG

Введение

В настоящее время политиками, учеными, промышленниками и предпринимателями ведутся острые дискуссии по вопросам мирового экономического развития. Вне зависимости от конкретно обсуждаемого вопроса они в той или иной степени затрагивают проблему взаимоотношений современного государства и бизнеса, что является одним из важнейших показателей политико-экономической ситуации в стране. Именно этот аспект, как правило, рассматривается особо тщательно при оценке степени эффективности модели современной экономики, в частности, попытке понять «восточноазиатское экономическое чудо» в контексте так называемого «государства развития», ставшего основой кардинальной трансформации данного региона: стремительных экономических преобразований Японии, а затем Южной Кореи, Тайваня, Гонконга, Сингапура и других новых индустриализирующихся стран региона второго эшелона начиная с 1970-х гг. Многие характеристики «государства развития» присущи и таким экономическим гигантам, как Китай и Индия.

Первоначально восточноазиатские «государства развития» обладали одной объединяющей экономической характеристикой: в них наблюдался почти непрерывный быстрый экономический рост на протяжении более четырех десятилетий. Это сильно отличается от того, что можно было наблюдать в других развивающихся странах, где экономика характеризовалась то бурным ростом, то спадом, замедлением, которое носило достаточно продолжительный характер. Одним из факторов, позволяющих «государству развития» обеспечивать стабильный экономический рост, на наш взгляд, как раз и является существующая там специфическая модель взаимоотношений между государством и бизнесом. Соответственно, выявление его особенностей на основе сравнительного анализа и является целью нашего исследования.

Основные характеристики «государства развития»

Прежде всего представляется необходимым остановиться более подробно на том, какими характеристиками, по мнению специалистов, должна обладать политико-экономическая система страны, чтобы ее можно было отнести к «государству развития».

Американский политолог Ч. Джонсон [13; 14], представляя новаторское исследование Японии, определил государство развития как такое, в котором приоритет отдается экономическому росту, производительности и технологической конкурентоспособности. Им руководит небольшая элитная бюрократия, набранная из лучших управленческих талантов, которая обеспечивает лидерство посредством разработки промышленной политики. Кроме того, в рамках бюрократии существует специально созданное учреждение для координации разработки и реализации политики. Такая промышленная политика не вытесняет рынок, а способствует его рациональности в долгосрочной перспективе. Наконец, свой вклад в экономическое развитие вносит и политическая система, которая предоставляет бюрократии достаточно возможностей для проявления инициативы.

В своей обзорной статье в 1991 г. Зия Ониш четко обрисовал следующие ключевые, на его взгляд, элементы государства развития [17, с. 110]. Основными из них являются:

- ✓ особое внимание к росту производительности и модернизации промышленности;
- ✓ активным (и даже потенциально авторитарным) вмешательством государственного аппарата в экономику;
- ✓ трансформирующие рынок интервенции для защиты стратегических отраслей;
- ✓ рост, ориентированный на экспорт;
- ✓ самостоятельно действующая бюрократия, ориентированная на развитие.

Этот последний момент, особенно, важен: как отмечал З. Ониш, прихоти политиков обязательно должны умиряться высококвалифицированными технократами: «политики “царствуют”, в то время как бюрократы “правят”, [и] цель политической элиты состоит в том, чтобы узаконить действия элитных бюрократических ведомств» [17, с. 115]. Следовательно, для «государства развития» недостаточно простого сочетания высоких уровней экономического роста и государственного вмешательства: ему присуща и специфическая модель взаимоотношений политической власти, государственной бюрократии и бизнес элиты.

Сама идея «государства развития» бросает вызов устоявшимся представлениям о либеральной политической экономии, в которой главная функция государства ограничивается обеспечением закона и порядка, оставляя свободный рынок для максимизации экономической эффективности и роста. Опыт Восточной Азии свидетельствует об обратном: «планово-рациональное государство», пользуясь термином, предложенным Ч. Джонсоном [13, с. 12], может стимулировать экономический рост.

На протяжении многих лет идея государства развития разрабатывалась, переосмысливалась и, что неудивительно, подвергалась критике. Несмотря на то, что азиатские финансовые кризисы 1997–1998 гг. нанесли серьезный удар по этому подходу, он возродился после краткого перерыва и продолжил проливать свет на опыт все большего числа стран как в развивающемся мире, так и за его пределами.

В центре дискуссий о сущности основных характеристик и потенциала государства развития находятся такие вопросы, как специфика проводимой политики, актуальность идеологической основы, институты рациональной бюрократии и специальных агентств развития, а также внутренний и международный социально-политический контекст. С этим связаны дебаты и о том, совместимо ли государство развития с демократией, его сохраняющейся актуальности по мере взросления национальной экономики или даже наступления всеобъемлющей глобализации.

Политика государства и бизнес

Проводимая государством политика, нацеленная на развитие, характеризуется стратегическим использованием налоговых стимулов и торговой политики для содействия созданию современных отраслей промышленности и модернизации промышленного комплекса, манипулированием системой цен

для повышения конкурентоспособности, ограничением активности работников и структур гражданского общества, обеспечением коллективного потребления в качестве способа снижения затрат на рабочую силу и повышения производительности, а также спонсорство исследований и разработок [7, с. 78–79; 22, с. 35–36]. Хотя особое внимание исследователи, как правило, уделяют контролю за инвестиционным финансированием и важности последнего в качестве рычага воздействия на развивающееся государство для достижения своих целей, большинство признает наличие различий и изменений в политических подходах, принятых разными странами в разное время в зависимости от их конкретных политико-экономических условий.

Независимо от конкретной политики и министерств, осуществляющих руководство ею, речь идет о национальных стратегиях. При этом основной акцент делается на развитии частного, а не государственного сектора. Ссылаясь на пример Японии, Ч. Джонсон [14, с. 46–48] характеризует ее как государство, которое изменяет стимулы, снижает риски, предлагает предпринимательское видение и управляет конфликтами, и все это с целью работы с дзайбацу¹ и рабочими и оказания им помощи в захвате большей доли рынка, ориентируясь на продукцию с постоянно более высокой добавленной стоимостью, а не на краткосрочную прибыльность. Более того, политика, способствующая координации между государственным и частным секторами, разрабатывается таким образом, чтобы не вытеснять рыночные силы. Другими словами, точно так же, как оказывалась поддержка стратегическим секторам с целью стимулирования их долгосрочного роста, создавалась ситуация, когда предприятия должны были жестко конкурировать, в том числе и на международной арене и подчиняться строгой рыночной дисциплине. Это дальновидное, но в конечном счете рыночно рациональное качество государственной политики разными авторами определялось как «соответствующее рынку» [15, с. 33], «лидирующее на рынке» [21, с. 37] или «неправильно определяющее цену» [3, с. 43]².

Таким образом, этот подход к развитию никогда не предполагал отказ от рынков, а скорее признавал, что, предоставленные самим себе, они могут иметь пагубные последствия, в том числе могут никогда должным образом не сформироваться. Соответственно, цель государства развития фактически направлена на создание рынков, а затем на их намеренную трансформацию для достижения конкретных целей национального развития посредством разумного использования стимулов, тарифов, субсидий и особенно контроля за финансами. Там, где либералы считают, что страны должны принимать и использовать свои «сравнительные преимущества» почти так, как если бы они были определены естественным образом и, следовательно, статичны, сторонники государства развития рассматривают сравнительные преимущества как динамичные и изменчивые, и что-то, чем можно манипулировать в рамках непрекращающегося процесса модернизации промышленности.

И. Пири [18, с. 121–123] в качестве определяющих факторов политики государства развития выделяет следующие: экономическую систему, ориентированную на производство, осторожность в отношении прямых иностранных инвестиций и государственный контроль за распределением кредитов.

Наряду с государственной политикой важным является и понимание той идеологии, которая лежит в ее основе. И здесь, на наш взгляд, стоит вспомнить определение М. Кастельса, согласно которому: «Государство развивается, когда оно устанавливает в качестве принципа своей легитимности свою способность поощрять и поддерживать развитие, понимая под развитием сочетание устойчиво высоких темпов экономического роста и структурных изменений в производственной системе, как внутри страны, так и в ее взаимосвязи с международной экономикой» [6, с. 56]. По мнению ряда восточноазиатских специалистов [25, с. 6–9; 12, с. 120–122], экономическое развитие было выбрано в качестве средства борьбы с острыми (и подлинными) угрозами, исходящими от западного империализма для национального выживания стран. Следовательно, вместо того, чтобы стремиться «к достижению потребительской полезности, частного богатства, взаимовыгодного обмена или любой другой цели, провозглашаемой экономическими детерминистами», японцы, например, «занимаются экономической деятельностью

¹ Термин, применяемый для обозначения крупнейших промышленных и финансовых объединений Японии.

² В данном случае речь идет о том, что правительства в Восточной Азии намеренно устанавливали «неправильные» цены, чтобы стимулировать инвестиции и торговлю.

главным образом для того, чтобы достичь независимости от потенциальных противников и использовать их рычаги влияния» [10, с. 61]. Конечно, социальное происхождение правящей элиты также вносит свой вклад в определение угроз национальному выживанию. Ч. Джонсон, например, называет этот приоритет «экономическим национализмом» и считает, что он возник «как реакция... на структурные противоречия общества порядков» [14, с. 105–106]. Опора на экономический национализм обеспечивает источник легитимности для этой элиты и делает излишним (по крайней мере, на время) беспокойство о том, является ли развивающееся государство демократическим или иным.

Независимо от важности идеологической основы ключевым является потенциал государства, поскольку, по мнению М. Кастельса, «фундаментальным элементом способности государств развития реализовать свой проект была их политическая способность навязывать гражданским обществам свою логику и усваивать ее» [6, с. 64]. В связи с этим встает важный вопрос о государственной бюрократии, с одной стороны, и ее связи с обществом, с другой стороны.

Интересно отметить, что среди четырех существенных черт, выделенных Ч. Джонсоном для государства развития [14, с. 314–320], две относятся к государственной бюрократии. Первая касается «существования небольшой, недорогой, но элитной государственной бюрократии, укомплектованной лучшими управленческими талантами, имеющимися в системе <...>, обязанностью которых является определение и выбор отраслей, подлежащих развитию».

Помимо государственной службы, Ч. Джонсон подчеркивает наличие экспериментальной специализированной организации, которая объединяет «по меньшей мере планирование, энергетику, внутреннее производство, международную торговлю и определенную долю финансов (в частности, предложение капитала и налоговую политику)» [15, с. 38–39]. Концентрация различных правительственных функций в одном органе усиливает координацию и дает возможность государственным субъектам эффективно разрабатывать и реализовывать планы.

Возвышение экономической бюрократии на более высокое положение и осуществление ею того, что можно было бы назвать «деспотической властью», является важнейшей предпосылкой становления государства развития. Однако ряд исследователей [23, с. 164] предполагают, что способность осуществлять деспотическую власть, важная только на ранней стадии и при предоставлении некоторой автономии экономической бюрократии, должна сочетаться с укорененностью, чтобы создать «институциональный потенциал» или способность осуществлять «инфраструктурную власть», которая представляет собой «способность государства мобилизовать элиту на сотрудничество в достижении целей развития» [23, с. 162]. Сотрудничество может быть достигнуто посредством различных связей между государством и промышленностью, таких как спонсируемые государством промышленные ассоциации, экспортные картели и органы по консультированию по вопросам политики. Однако, поскольку сотрудничество элит влечет за собой не равноправное партнерство, а доминирование или, по крайней мере, «лидерство» со стороны государства, ожидается, что эти связи между государством и промышленностью также «позволят соответствующим государственным элитам обеспечить соответствие ключевых бизнес-групп более масштабным, не подлежащим обсуждению целям государства» [23, с. 170–178]. Такой вариант отношений между государством и бизнесом называется «управляемой взаимозависимостью».

Особый интерес в этой связи представляет, на наш взгляд, идея П. Эванса о так называемой «встроенной автономии» [9, с. 693–695]. Подчеркивая стратегическую важность связей между бюрократической элитой и бизнесом, он использует данный термин для характеристики отношений между государством и обществом, которые позволяют бюрократам вмешиваться или выборочно стимулировать, дополнять и укреплять предпринимательство.

При этом ключевым с политической точки зрения остается вопрос о том, необходимо ли авторитарное правление для национального проекта и совместимо ли вмешательство в развитие с демократическим правительством.

Для некоторых авторов авторитарное происхождение развивающегося государства Северо-Восточной Азии было лишь случайным и, следовательно, представляло максимум исторический интерес. Л. Вайс и Дж. Хобсон [23, с. 127–128], например, считают, что способность осуществлять деспотиче-

скую власть важна только для обеспечения автономии экономической бюрократии. Институты, которые облегчают консультации и переговоры между государством и бизнесом, такие как бизнес-ассоциации и торговые картели, более совместимы с демократическими, чем авторитарными режимами. П. Эванс разделяет эту точку зрения и в своих более поздних исследованиях предполагает, что демократическое правительство может сделать прозрачным процесс политических консультаций и переговоров, тем самым повышая шансы на открытое, справедливое и эффективное распределение государственных ресурсов [8, с. 40–42].

Помимо исследований, в которых утверждается определенное сходство между авторитарным правлением и вмешательством в процесс развития, ряд авторов обращают внимание на угрозы фрагментации политики в условиях демократии [11; 24].

Рассматривая более широкую проблему взаимоотношений государства и рынка, А. Коли [16] выделяет три идеальных типа, а именно: «неопатримониальное государство», «сплоченное капиталистическое государство» и «фрагментированное многоклассовое государство». По его мнению, даже если так называемое «неопатримониальное государство» может маскироваться под демократию, для него характерны чиновники, более склонные использовать государственные ресурсы для обогащения себя и своих помощников, чем заниматься национальным развитием как таковым. В свою очередь, «сплоченное капиталистическое государство» сродни государству развития, которое целеустремленно фокусируется на цели промышленного развития и, учитывая его централизованный контроль над государственной властью, может работать с капиталистами, не обращая внимания на другие интересы и озабоченности. Наконец, «фрагментированное многоклассовое государство», обладая государственной властью, опирающейся на широкий классовый альянс, вынуждено проводить политику с целью заручиться поддержкой населения и, следовательно, не может сосредоточиться исключительно на экономическом развитии. Следовательно, по его мнению, действительно существует избирательное сходство между авторитаризмом и государством развития.

Отношения государства и бизнеса как ключевой фактор развития

Несмотря на явную привлекательность модели государства развития, успешная ее реализация не стала пока широко распространенной. Возникает естественный вопрос, что на практике мешает реализации этой идеи. Связано ли это с отсутствием политического и экономического пространства для национальных государств в странах с низким и средним уровнем дохода, не позволяющим наметить свой собственный независимый путь к индустриализации и структурным преобразованиям при нынешнем либеральном экономическом порядке, где силы глобализации слишком сильны, чтобы их можно было сдерживать? Или есть другие объяснения отсутствию примеров успешных государств развития, например, на Глобальном Юге?

Чтобы ответить на этот вопрос, возьмем три страны Юго-Восточной Азии — Индонезию, Малайзию и Таиланд. Все они демонстрировали выдающиеся экономические показатели в период с 1960-х по 1990-е гг. В этих странах также было широкое государственное вмешательство в экономику, контроль над частным бизнесом и господство авторитарных политических режимов в течение длительных периодов времени.

Однако после азиатского финансового кризиса 1996 г. экономический рост в этих странах резко снизился и в последующие десятилетия восстановиться до своего докризисного уровня им не удавалось. Еще в 2018 г. группа ведущих британских специалистов делала прогноз о том, что «в настоящее время эти страны переживают длительное замедление экономического роста, и представляется весьма маловероятным, что они достигнут статуса стран с высоким уровнем дохода в течение некоторого времени в будущем, что считалось само собой разумеющимся в начале 1990-х гг., до того, как разразился финансовый кризис» [4, с. 5].

Почему же на том этапе своего развития Индонезия, Малайзия и Таиланд оказались неспособными добиться экономического успеха, соразмерного с достижениями Гонконга, Южной Кореи, Сингапура

и Тайваня? Ответ на этот вопрос, на наш взгляд, лежит в сфере политики, в том, что касается баланса сил между различными группами политической элиты и видения гармоничных отношений государства и бизнеса, а также личной заинтересованности в укреплении связей с бизнес-структурами.

Прежде всего, обратимся к примеру Индонезии. Государственное вмешательство режима Сухарто в годы интенсивного экономического роста не было похоже на носившую более стратегический характер промышленную политику, проводимую в Южной Корее, Сингапуре и Тайване. Главной его целью было увеличение числа бизнес-клиентов государства. Государство было подчинено неограниченным интересам привилегированной группы олигархий, что и объясняет как природу финансового кризиса конца 1990-х гг. с его массовыми банкротствами и неплатежами по долгам среди этих олигархов, так и стагнацию экономического роста в посткризисный период [2, с. 211–215].

Однако в 1998 г. после ухода в отставку президента Сухарто был провозглашен курс на реформирование при сохранении ведущей роли государства в экономике страны. Проведенные реформы были направлены в первую очередь на улучшение инвестиционного климата, обеспечение прав собственности, активизацию деятельности в стране транснациональных корпораций и хуацяо (выходцев из Китая) [1, с. 91]. Особую роль в налаживании конструктивных отношений государства и бизнеса стала играть Торгово-промышленная палата Индонезии (Kadin), представляющая собой зонтичную организацию, охватывающую множество бизнес-ассоциаций на отраслевом уровне и защищающая интересы индонезийского частного бизнеса. Именно она сыграла важную роль в процессе выработки новой государственной экономической политики [4]. Следует отметить также высокую эффективность деятельности Индонезийской комиссии по искоренению коррупции (КПК), в результате чего в 2021 г. страна набрала 38 из 100 баллов по широко используемому индексу коррупции глобальной группы Transparency International, наравне с Бразилией и ниже, чем Индия, Вьетнам и Китай. Все это позволило Индонезии добиться нового экономического подъема и стать пятой экономикой Азии, сохранив свой потенциал государства развития [20, с. 128].

Несколько иную историю мы видим в Малайзии и Таиланде. С 1960-х по середину 1990-х гг. в обеих странах наблюдался быстрый экономический рост, по большей части при авторитарных политических системах (хотя с 1973 г. в Таиланде часто проводились многопартийные выборы, перемежавшиеся военными переворотами). Эта стратегия роста была подкреплена относительно открытой экономической средой для ориентированного на экспорт производственного сектора, где в основном доминировали транснациональные корпорации. В то же время политические элиты поддерживали тесные договорные отношения с отечественными капиталистами в других секторах экономики, таких как коммунальные услуги и финансы, и конкурирующих с импортом отраслях, таких как производство цемента [19].

Клиенталистские отношения между государством и бизнесом стали результатом политического урегулирования в обеих странах. В Малайзии это отражало потребность в политической стабильности (после разрушительных этнических беспорядков 1969 г.) и обеспечивалось путем предоставления привилегий малайским предпринимателям, ограничивая тем самым возможности бизнеса этнических китайцев. Следствием этого стала неспособность государства создать конкурентоспособный на глобальном уровне класс отечественных капиталистов, поскольку, в отличие от Южной Кореи, субсидии, предоставляемые малайским предпринимателям, не предъявляли требований к эффективности их деятельности. Для укрепления своих властных позиций начиная с 1980-х гг. правящая коалиция все чаще стала практиковать раздачу административных мест в государственном секторе политически влиятельным лицам, нередко без учета их управленческих способностей. Как следствие, компетентность и автономия технократии, которые, как мы отмечали, являются важнейшими составляющими успешного государства развития, со временем постепенно ослабели [26, с. 85–86].

В то время как другие азиатские государства могли неуклонно продвигаться вверх по технологической лестнице, поскольку их трудоемкие отрасли промышленности становились неконкурентоспособными из-за повышения заработной платы, малайскому государству в силу широкого распространения клиенталистских отношений не хватало политической решимости для принятия эффективной промышленной политики, необходимой для дальнейшего совершенствования технологического потенциала.

В Таиланде клиентализм стал господствовать в таких секторах экономики, как лесозаготовка, переработка, недвижимость, розничная торговля и фармацевтика, где у господствующих политических элит, в том числе королевской семьи (через свое инвестиционное подразделение — Королевское бюро недвижимости), в период с 1957 по 1973 гг., когда у власти находился фельдмаршал Сарит Танарат, появились свои серьезные экономические интересы. Здесь, однако, в отличие от Малайзии с 1990-х гг. начал развиваться конкурентоспособный на мировом рынке автомобильный сектор и были налажены связи между многонациональными производителями автомобилей и преимущественно китайско-тайскими поставщиками. В отличие от Малайзии, где этнополитические соображения не позволяли правящей коалиции продвигать фирмы, принадлежащие китайцам, политическое урегулирование в Таиланде позволяло — более того, даже поощряло — политиков поддерживать китайско-тайских капиталистов как в качестве средства стимулирования роста, так и в качестве источника личного обогащения. Тем не менее скрытые от общественности, но от этого не менее прочные отношения между правящей политической элитой и экономическими элитами в таких секторах, как строительство и производство цемента, становились все более основанными на политическом патронаже, не зависящим от экономической эффективности, и со временем стали наносить все больший ущерб экономическому росту [5, с. 57–59].

Заключение

Пример стран Восточной Азии свидетельствует о том, что успех государства развития возможен только тогда, когда политическое урегулирование дает возможность правящим элитам обладать правоприменительными возможностями для дисциплинирования политически связанных с ними фирм и проведения эффективной промышленной политики, необходимой для дальнейшего совершенствования технологических возможностей страны. Однако для этого у политических элит должны быть соответствующие стимулы для проведения институциональных реформ, необходимых для дальнейшего роста и структурных преобразований.

В целом для успеха государства развития необходимо создание взаимовыгодного альянса государства и бизнеса, в рамках которого государство реализует ряд стимулов и вознаграждений, чтобы убедить отечественных капиталистов осуществлять инвестиции в целевые секторы экономики. Отсюда и обоснование необходимости наличия государственной собственности, которая открывает отечественным фирмам пространство для развития, позволяющее конкурировать с транснациональными компаниями посредством государственного протекционизма. В этом случае резко снижается риск того, что иностранные фирмы могут вытеснить национальных предпринимателей из высокотехнологичных сфер экономики, поскольку нередко на начальном этапе только благодаря государственному протекционизму национальные предприятия могут сравняться с узнаваемостью бренда и технологическим совершенством иностранных фирм.

Важно отметить, что отношения государства и бизнеса встроены в политическую структуру общества, в которой централизованное управление позволяет государствам обеспечивать политическую стабильность, снижать транзакционные издержки для частных субъектов, мотивировать предпринимательство и создавать дополнительные возможности для развития экономики и, как следствие, повышения благосостояния общества.

Литература/References

1. Мельянцева В. А., Адрова И. С. Основные факторы экономического роста Индонезии — четвертой экономики Азии // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 1. С. 86–106 (Melyantsev V. A., Adrova I. S. Main Factors of Economic Growth in Indonesia — the Fourth Economy of Asia // The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences [Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk]. 2021. No. 1. P. 86–106. (In Russ.)) EDN: QMCWPF. DOI: 10.24412/2073-6487-2021-1-86-106

2. *Пахомова Л. Ф.* Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия). М. : Институт востоковедения РАН, 2007. 255 с. (Pakhomova L. F. Models of Prosperity (Singapore, Malaysia, Thailand, Indonesia). Moscow : Institute of Oriental Studies RAS, 2007. 255 p. (In Russ.)) EDN: IBDEAN
3. *Amsden A., Wan-Wen Chu.* Beyond Late Development: Taiwan's Upgrading Policies. Boston. MA : MIT Press. 2003. 223 p. ISBN-13: 978-0262011983
4. *Bishop M., Payne A.* [et al.] Revisiting the Developmental State. SPERI Paper No. 43. The University of Sheffield. 2018. 30 p.
5. *Carroll T., Jarvis D.* (eds.) Asia after the Developmental State: Disembedding Autonomy. Cambridge : Cambridge University Press. 2017. 514 p. DOI: 10.1017/9781316480502
6. *Castells M.* Four Asian Tigers with a Dragon Head: A Comparative Analysis of the State, Economy and Society en the Asian Pacific Rim / ed. by Appelbaum R., Henderson J. // States and Development in the Asian Pacific Rim. London : Sage. 1992. P. 33–70.
7. *Chu Y.-w.* (ed.) The Asian Developmental State. New York : Palgrave Macmillan, 2016. 261 p. DOI: 10.1057/9781137476128_1
8. *Evans P.* Constructing the 21st Century Developmental State / ed. by Edigheji O. Constructing a Democratic Developmental State in South Africa. Cape Town : HSRC Press. 2010. P. 37–68. DOI: 10.1515/9780796926531-005
9. *Evans P., Heller P.* Human Development, State Transformation and the Politics of the Developmental State / ed. by Leibfried S. [et al.] The Oxford Handbook of Transformations of the State. Oxford : Oxford University Press. 2015. P. 691–713. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199691586.013.37
10. *Haggard S.* Developmental States (Elements in the Politics of Development). Cambridge : Cambridge University Press. 2018. 75 p. ISBN-13: 978-1108449496
11. *Herring R.* Embedded Particularism: India's Failed Developmental State / Woo-Cumings M. The Developmental State. NY : Cornell University Press. 1999. P. 306–334. DOI: 10.7591/9781501720383-012
12. *Hyeong-ki Kwon.* Changes by Competition: The Evolution of the South Korean Developmental State. Oxford: Oxford University Press. 2021. 240 p. DOI: 10.1093/oso/9780198866060.001.0001
13. *Johnson Ch.* MITI and the Japanese Miracle. Stanford : Stanford University Press. 1982. 412 p.
14. *Johnson Ch.* Japan, Who Governs?: The Rise of the Developmental State. New York : WW Norton & Company. 1995. 384 p. ISBN: 9780393037395
15. *Johnson Ch.* The Developmental State: Odyssey of a Concept / Woo-Cumings M. The Developmental State. NY : Cornell University Press. 1999. P. 32–60. DOI: 10.7591/9781501720383-004
16. *Kohli A.* State-Directed Development. Cambridge : Cambridge University Press. 2004. 480 p. DOI: 10.1017/CBO9780511754371
17. *Öniş Z.* The Logic of the Developmental State // Comparative Politics. 1991. Vol. 24. No. 1. P. 109–126. DOI: 10.2307/422204
18. *Pirie I.* The Korean Developmental State: From Dirigisme to neo-Liberalism. London : Routledge. 2007. 236 p. ISBN: 9780415547086
19. *Sen K., Tyce M.* The Elusive Quest for High Income Status: Malaysia and Thailand in the Post-Crisis Years' // Structural Change and Economic Dynamics, 2017. No. 48 [Electronic resource] URL: https://www.researchgate.net/publication/321633857_The_Elusive_Quest_for_High_Income_Status_-_Malaysia_and_Thailand_in_the_post-crisis_years (accessed: 07.05.2024).
20. *Yusuke Takagi, Veerayooth Kanchoochat, Tetsushi Sonobe* (eds.) Developmental State Building: The Politics of Emerging Economies. Berlin : Springer. 2022. 199 p. DOI: 10.1007/978-981-13-2904-3_10
21. *Wade R.* Governing the Market: Economic Theory and the Role of Government in East Asian Industrialization. Princeton, NJ : Princeton University Press. 1990. DOI: 10.2307/j.ctv346sp7
22. *Walter A., Xiaoke Zhang.* East Asian Capitalism: Diversity, Continuity, and Change. Oxford : Oxford University Press, 2012. 331 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199643097.001.0001
23. *Weiss L., Hobson J.* States and Economic Development. Cambridge : Polity. 1995. 312 p. ISBN 13: 9780745614571

24. *Wong J.* The Adaptive Developmental State in East Asia // *Journal of East Asian Studies*. 2004. Vol. 4 (3). P. 345–362. DOI: 10.1017/S159824080006007
25. *Woo-Cumings M* (ed.) *The Developmental State*. NY : Cornell University Press. 1999. DOI: 10.7591/9781501720383
26. *Yeung H.* State-led Development Reconsidered: The Political Economy of State Transformation in East Asia Since the 1990s // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. 2017. Vol. 10. No. 1. P. 83–98. DOI: 10.1093/cjres/rsw031

Об авторах:

Кугай Александр Иванович, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук, профессор;
e-mail: kugay3@yandex.ru

Пахомова Мария Артуровна, аспирантка кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: mariap2707@gmail.com

About the authors:

Alexander I. Kugai, Professor of the Department of State and Municipal Administration of North-West Institute of Management of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Philosophy, Professor;
e-mail: kugay3@yandex.ru

Maria A. Pakhomova, graduate student of the Department of State and Municipal Administration of North-West Institute of Management of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation);
e-mail: mariap2707@gmail.com